

Наталья Пичугина

**Книга ошибок для
испаноговорящих**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 84
ПЗ6

Пичугина Н. П.

Книга ошибок для испаноговорящих / Пичугина Н. П.; ред.
Пичугина Н. П.; худ. Пичугина Н. П. — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2021. — 222 с.

ISBN 978-5-532-97972-7

Новый сборник прозы Натальи Пичугиной “КНИГА ОШИБОК для испаноговорящих” рассказывает об истории, судьбах и буднях русских соотечественников в маленькой центральноамериканской стране. Повествование охватывает период времени с 60-годов прошлого века до наших дней. Рассказы, записки, размышления, дневниковые записки – поэтика современной художественной литературы с элементами эссе, репортажа, мемуаров – созданы автором в течение жизни в Латинской Америке. Исторические события глазами очевидца, точки соприкосновения разных культур в решении общих нравственных проблем, жизнь на два континента, переоценка ценностей в отечестве, превратности современного мира, смена поколений и эпох – вопросы, без которых сегодня не обходится ни одна человеческая судьба, в какой бы точке земного шара она ни протекала. “КНИГА ОШИБОК для испаноговорящих” – одна из первых, закладывающих традицию художественного осмысления жизни российских соотечественников в Латинской Америке.

ISBN 978-5-532-97972-7

© Пичугина Н. П., текст, 2020
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

1. КНИГА ОШИБОК для испаноговорящих	4
2. За броней твоего сострадания	51
3. Время Омара	63
4. Пекарь вина твоего	82
5. Возвращение	96
6. Джакузи	102
7. Параллельное поколение	126
8. Невооружённым глазом	143
9. Московский синдром	149
10. Дневник интервенции	177

1. КНИГА ОШИБОК

для испаноговорящих

Записки из тропического далека

Моим соотечественникам

Строгому читателю

Я представляю вам свою новую книгу. Вполне вероятно, что читатель, по мере своей образованности или просто по своеобразию своего мировоззрения, найдёт в моей книге множество недочётов. Конечно, лучше бы их не было, но я многому не придаю должного значения, откуда и происходят неточности. Оставьте мне моё несовершенство. Пусть нестрит ошибками моя скромная рукопись. Художественные произведения сплошь и рядом критикуют за то, чего в них нет, и забывают оценить то, что в них есть. Не бойтесь попасть под очарование неприемлемой для вас мысли. Задержитесь вниманием на том, на чём сосредоточен мой интерес и ради чего я написала эту книгу ошибок.

Ушедшая в осень Москва

Осенний дождливый вечер, разноцветные огни транспорта отражаются в лужах меж опавших листьев, чарующее вечернее мгновение на бульваре у магазина «Подсолнух» на Можайском шоссе.

Деревья выкорчевали и чугунные перила разобрали, расширяя шоссе под автостраду. Осенний золотой бульвар с вязью перил остался только на моих фотографиях.

Природа в своей повторяемости – единственное, что поддерживает преемственность нашего восприятия мира, изменяемого в течение жизни. Природа – единственное, к чему наша любовь постоянна. Внезапная тишина, зависшая между остатками золотых листьев,

среди голых сучьев в облетевшем парке. Золотая, полная листьев, ветвь разворачивается под мощным потоком холодного ветра. Осень богата моментами и состояниями атмосферы. Сырость ветра, запах палой листвы возвращают тебя на круги своя, как зверя в родную среду обитания.

Физическая тяжесть и малокомфортная полуустроенность московского быта, трудноразрешимая сложность коммунальных услуг, половинчатый сервис, враждебная улица, ничем непоколебимое безразличие к твоим нуждам. Болезненное усилие радоваться жизни в холодном сумеречном, темном климате. Теперь, отдохнув телом и душой в солнечных и радушных тропиках, я понимаю, что мне было необходимо пожить в Москве. Я вернулась домой, в свой некомфортный и тяжёлый мир, который только и делает меня мной и всегда делал меня мной, независимо от опыта, который я приобретала в чужих краях. Мой народ, такой какой есть, создал этот город – на этой земле, в лоне этой природы, создавшей, в свою очередь, меня и нас всех – единственной связующей прошлое с настоящим в рамках моей жизни, которая вне связи с этой природой распадается на несколько – каждая со своим действующим персонажем. И только влага осеннего вечера на московском шоссе, сливающиеся огни автомобилей в размыве дождя возвращают мне связь времен с единым персонажем – со мной...

I

Помнишь, однажды я сказала тебе: всякое место, где мы живём, становится нашим. Посмотри сюда – вот мой город.

Золотым медальоном падает на траченный асфальт пятнадцать обеденных минут в том месте, где к стеклу нашей машины склоняется индейцеобразный перуанец с золотой серьгой и золотом на пальце:

– Подбросишь?

Глория тормозит за десять метров от многоэтажных трущоб.

- Кока.
- Что?
- Кокаин.
- ?!
- А что ещё в этом районе делать? Идёт. Быстро же он обернулся.
- Хотите пива, сеньоры? – черномазый мальчишка пытается по-английски продать нам товар.
- Нет, спасибо, – Глория ржёт под стать своему лошадиному лицу. – У нас физиономии американские. Достал?
- ?
- Да не бойся, она всё знает. Дай попробовать.

Улица залита утренним солнцем, когда ты выбегаешь из кафе, выкрикивая моё имя.

У тебя тёмное лицо, мой город, руки врача, взгляд художника и речь журналиста.

"Белянка", – говорят мне лоточники на улице, заваленной помоями, где однажды нищий попросил у меня половину куриного тамалья¹

На моём пути камни чудесных особнячков под полуденным солнцем, лапы пальм и гигантских кактусов, пронзительно сиреневое облако невиданного дерева, летящие дождём жёлтые соцветья, пахнущие нашей липой.

У тебя влюблённые глаза, мой город, и интонация надежды. Ты встретишь меня издали и крепко сожмёшь мне руки, когда я вернусь.

Из истории

Никогда не думала, что буду так близко к сердцу принимать чужую страну.

Маленькая женщина, поражённая волчанкой, прищёпывая в потоке своей стремительной речи, перебирает фарфоровыми паль-

¹ Тамаль – кукурузная масса с варёной курицей и приправами, завернутые в пальмовый лист.

чиками только что написанный материал. Это Лина Бенетти, культуролог и эссеист, бывший директор Государственного Архива, только что уволенная министром культуры – "воинствующим Карлучо". Казалось бы, что мне она, золотоволосая латиноамериканка европейского происхождения.

Рядом с ней её знаменитый муж Висенте Арройо, я читала его ещё у себя на родине, но не представляла похожим на писателей своей страны – тяжёлый взгляд, мятежный дух. Проработав тринадцать лет в Министерстве Культуры заведующим Отделом художественного творчества, в одночасье оказался за его дверями стараниями того же Карлучо. Джон Далвера, известный художник и поэт, внешне неожиданно похожий на сорокалетнего Никиту Михалкова, из всех троих был уволен первым. В этом печальном ряду уволенных не хватает нашего юного Вальтера, единственного, кого не тронул Карлучо, то ли побоявшись его знаменитой тётки-адвоката Иды Флетчер, то ли не угадав в выпускнике колледжа врага.

– Слушай внимательно, – уговаривает меня Вальтер по телефону, когда весть об увольнении Висенте и Лины достигает моего сознания, – положишься на нас, успокойся.

И мне стоит усилий взять себя в руки.

Что происходит? Из чего родилась любовь к этой стране, нишей и дикой, где меня трясёт и швыряет на сиденье карнавально разукрашенного автобуса под оглушительную музыку на моём нескончаемом пути под сжигающим солнцем в поисках работы. В этой стране, где бездомные облезлые и гнойные собаки вызывают большее отвращение, чем изъеденные дерматитами нищие в центре города. Где по приезде у меня заходило сердце от страха остаться в ней, а теперь я глотаю валериановый шарик в ожидании, когда Лина начнёт говорить по утреннему радио, и другой шарик, когда в течение дня, не слыша и не видя моих друзей, не знаю, что происходит.

Маленькая латиноамериканская страна, как камешек, брошенный в воду.

В выборах 1984 года победила олигархия. Президентом страны стал Эрик Алеман из оппозиционной Генералу партии: белёсый,

остроносый еврей с заплаканным лицом – испуганный поворот головы, неуверенный смех, безвольное выражение. Кажется, он сейчас вскинет свой ясный взгляд и молвит на манер того героя: "За что вы меня обижаете?.."

– Ку-рица А-леман,

То-бой пра-вит Гене-рал! – скандируют на улице студенты, швыряя камни в Национальную Гвардию, провоцируя слезоточивые бомбы, аресты, закрытие Национального Университета, играя на руку американцам и не внимая президенту, который уже в третий раз призывает сограждан объединиться перед угрозой военной интервенции.

В эти критические дни Генерал не пользуется признанием масс. В эти дни даже его сторонники убедились, насколько неразделимы во Вселенском укладе добро и зло, истина и ложь.

Президенту бы благодарить Генерала, который ещё до возникновения конфликта с американцами начал объединять вокруг себя националистически настроенные левые силы страны. Правда с другой целью, которую никто не мог тогда объяснить, но благодаря чему теперь правительство, а значит и президент, имели опору не только в верной оппозиции под надвигающейся тенью американской интервенции.

Так началась моя жизнь на новой для меня земле. Шёл 1986 год.

II

У кого бочка, у кого башня из слоновой кости, у кого восстание Гарибальди, – у меня же перешеек между двумя материками. Всемирно признанный стратегический пункт планеты. Пуп земли. "Мост между мирами, сердце Вселенной", как начертано на гербе его жителей. Энергетический пик, на котором стоит один из семи существующих в мире храмов Бахай. "Бермудский треугольник" для иностранцев – они приезжают сюда в отпуск и остаются навсегда. Иначе невозможно объяснить моё полувековое пребывание на этой

земле. Видимо, мне предстояло узнать мир и сравнить его с моим отечеством.

– Перечитывала твою книжку, – сказала тётя, – и стало мне грустно, и я подумала, что всё же тебе было бы лучше дома.

Имея наготове ответ, я из такта промолчала. Полжизни я живу вне дома. И всю жизнь учусь думать прежде, чем говорить. Последнее время это иногда мне удаётся. Так же всю жизнь я пытаюсь понять смысл поговорки "простота хуже воровства". Кажется, я начинаю догадываться, что это значит.

Я чуть было не ответила тёте: "Да нет, мне лучше там!" – а ведь мне давно не пятнадцать лет. Откуда берётся в зрелом возрасте столько непосредственности, которую постоянно приходится уметь? Осталось бы она во мне, живи я безвыездно в Москве?

С тех пор этот краткий разговор с тётей преследует меня, и, видимо, не оставит в покое, пока я его не завершу.

Меня затрудняет не определение вопроса – мне неловко обнародовать перед соотечественниками выгоды своего положения. Истинно латиноамериканская вежливость.

Вспомни: показывали Вьетнам – победивший, труженик, обнищавший после войны. И вдруг на фоне гор, залива и раковинообразных парусов рыболовных судёнышек показали девушку среди сотни таких же, месивших ногами глину, в одинаковых шароварах, рубашках и шляпах, и из этого рублища выглядывал точёный фарфоровый лик с отрешённо-неземным взглядом во весь экран, так что захватило дух.

Что это было?

Отрешённо-неземной взгляд снова повторился в московском автобусе: на тонком лице светловолосой девочки лет восьми, бедно одетой, безучастно сидящей у окна.

Чудеса могут происходить в самом неожиданном месте этой планеты. В хлеву родился Создатель.

Страна, в которой живёт моя семья, отнюдь не развитые США, хотя, слава Богу, и не отсталая Африка (чья очередь в истории, несомненно находится после Латинской Америки, которой сулят стать следующим шагом в развитии нашей цивилизации), но тем не менее, принадлежит к третьему миру.

— К четвёртому, — мирно заметил знакомый муж-пенсионер из местных граждан, уже несколько лет содержащий свою семью за счёт сочувствия друзей и знакомых. Ему только что исполнилось семьдесят пять лет, он маленького росточка, глуховат на оба уха, но ежедневно бодро вышагивает пешком по всему городу в поисках пяти-десяти долларов на прокорм семье. Его пенсия заложена-перезаложена всеми возможными займами, и на руки от неё он получает ровно столько, чтобы прокормиться неделю из четырёх с половиной, составляющих месяц. Высшее образование он получил тридцать пять лет назад в бывшем Советском Союзе, откуда привёз московскую жену, родившую ему после многих лет ожидания девочку. Жену от работы он берёт, и та всю жизнь занималась поздней дочкой и домом, оставшись таким образом на попечении мужа. Дочь теперь заканчивает медицинский факультет, и семья живёт надеждой на обязательное после окончания двухлетнее распределение на работу. Между тем престарелый, но жилистый отец семейства исхаживает город под тропическим солнцем пешком за неимением мелочи на автобус, покрывая необозримые для своего преклонного возраста и беспощадного климата расстояния. Все доходы до последней копейки вложены в образование дочери и ежедневное пропитание.

— Стыдно сказать,— жалуется его шестидесятилетняя жена Эля — туалетную бумагу для дома пришлось отмотать в общественном туалете отеля. А мыло пришлось стянуть в другом общественном туалете.

К счастью, в стране, где мы живём, бывают чистые и привлекательные туалеты, где не сомневаешься в чистоте того и другого.

Отвлекусь. Самые чистые и современные туалеты, поразившие моё воображение и воображение моей семьи, мы встретили много лет назад в международном аэропорту Майями: при входе в кабину